

Едва переступив вчера порог виллы Ли Юаня, он по мельчайшим деталям уловил: Ли Юань относится к нему с огромным подозрением и непременно попытается его проверить при первой же возможности. По сути, способов проверки всего два: причинить физический вред или нанести урон и телу, и душе. Если выбирать последнее, то лучший метод — сексуальное насилие. Сегодня Чжоу Юй вдруг стал с ним так ласков, перестал дразнить по непонятной причине, а потом в отеле сообщили о смене номера — и он всё практически понял.

Вернувшись в номер, он спокойно принял душ, немного посмотрел телевизор и лёг спать.

Когда вошёл Ли Юань, он знал об этом, но продолжал притворяться спящим. Хотя ковёр был толстым, а шаги вошедших — лёгкими, как у кошек, он всё же определил, что человек пятеро. В голове мелькнула мысль: если они пойдут по очереди, выдержит ли он.

Вскоре Ли Юань набросился на него.

Он «проснулся» и тут же, в ужасе, начал бороться, звать на помощь, выкладываясь ровно настолько, насколько способен обычный подросток, — в точности изображая панику и растерянность человека, ставшего жертвой внезапного нападения.

Ли Юань был в деле тридцать лет, но насиловать ему ещё не доводилось — впервые. Он подозревал этого юношу, но доверял Чжоу Юю и Ло Миню, потому и решил провести проверку лично.

Неторопливо подавляя сопротивление подростка, извивавшегося под ним, словно пойманный котёнок, его большие ладони в суматохе скользили по молодому телу. Такая упругость, гибкость, нежность бывают только у тех, кто едва вступил в пору зрелости. Напряжённые изгибы этого тела в отчаянной борьбе струились странной, пленительной красотой, дышали самой свежей юностью. Изначально он шёл выполнять работу, сугубо деловую, но теперь в нём вспыхнуло желание — будто искра упала в масло, и пламя охватило всё вокруг.

Глядя на побледневшее лицо юноши, особенно в его широко распахнутые, полные ужаса чёрные глаза, в нём зародилось острое, жестокое желание унижить, сломить. Почувствовав, что силы подростка на исходе, он железными клещами сжал его, грубо перевернул на живот и резко вонзился в него.

Будто стальной лом пробил его насквозь, пригвоздив к кровати. Невыразимая боль мгновенно пронзила всё тело Лин Цзыхана. Он не стал терпеть — как и подобало обычному человеку, издал протяжный, мучительный вопль.

Грубый, острый клинок вышел, чтобы с новой силой вонзиться вновь.

Он закричал снова.

Было больно. Даже больнее, чем от пули, вошедшей в тело.

Он стиснул зубы, сжав губы, принимая на себя яростный, неистовый натиск. Постепенно его начало окутывать слабое головокружение, предвестник упадка сил, и он обмяк, как подобает теряющему сознание, безвольно распластавшись на простынях.

Как и многие мужчины, Ли Юань не только не стеснялся посторонних глаз во время соития — наоборот, от этого его пыл лишь разгорался. Сейчас он почти забыл, что всего лишь выполняет проверку. Тело, в которое он насильно вторгался, казалось ему восхитительно-сладким, подобно едва раскрывшемуся бутону, а он был первым, кто ворвался внутрь, чтобы сорвать его.

Он владел телом под собой, чувствовал, как это чистое, нежное, словно весенний росток, тело трепещет под его яростными ударами. Юноша бледнел и стонал в такт его движениям. Эти невероятные ощущения были для него в новинку. Те, с кем он делил ложе прежде, пусть и подчинялись по необходимости, но в постели всё равно старались угодить, притворялись. Никто ещё не был столь невинен и прекрасен, как этот юнец, чью перевозданную прелесть он сейчас грубо разрушал. В этом непрерывном разрушении он вкушал жестокое, остросладкое наслаждение, от которого кружилась голова.

У мониторов все наблюдали за разворачивающейся сценой, не скрывая изумления.

Чжан Наньюэ вдруг усмехнулся:

— И подумать не мог, что дядя Юань не то что форму не теряет, а прямо-таки тигриной отвагой пылает.

Чжэн Цилун тоже засмеялся:

— Да уж, сегодня он всласть порезвился.

Кан Мин, ехидно ухмыляясь, добавил:

— Знал бы — сам бы в постель к дяде Юаню напросился, должно быть, кайф несусветный. — И бросил вызывающий взгляд на Чжоу Юя.

Чжан Наньюэ и Чжэн Цилун громко расхохотались.

Люди из общества «Жиюзэ», подчинённые Чжэн Ситуна, хоть и негодовали про себя, слушая эти насмешки в адрес Чжоу Юя, не стали их останавливать.

Чжоу Юй и вовсе не обращал на них внимания, весь поглощённый беспокойством за Ло Миня.

Лицо Ло Миня было бесстрастным, как маска. Он не отрывал взгляда от экрана, судорожно сцепив пальцы так, что костяшки побелели, и стоял недвижимо, словно каменное изваяние.

Час спустя Ли Юань, достигнув невиданного доселе сладостного пика, весь в поту, содрогаясь, рухнул на Лин Цзыхана, тяжело и прерывисто дыша.

Лин Цзыхань был мокрым, будто его только что вытащили из воды: его всего пропитал холодный пот, смешанный с каплями, падавшими с тела Ли Юаня. Он давно уже не двигался, а под конец и вовсе не выдержал, погрузившись в беспомощность.

Когда Ли Юань закончил проверку, из угла комнаты вышли дежурные, накрыли их одеялами и подали знак.

Люди в соседнем помещении тут же сообразили и отключили мониторы.

Компьютеры прекратили сбор данных и приступили к анализу.

Спустя несколько минут на экране возникли строки текста и цифр.

Достоверность: 87.31%

Уровень подозрительности: 11.95%

Неопределённость: 0.74%

Плотность костной ткани: менее 18 лет

Склонность к насилию: 8.207%

Уровень опасности: 4.33%

...

Люди из общества «Жиюз», глядя на эти результаты, переглянулись. Судя по цифрам, среди всех, кто когда-либо проходил подобные проверки, этот человек оказался самым надёжным.

То, что анализ костной ткани показал возраст менее восемнадцати лет, их, впрочем, мало волновало. Лишь Чжоу Юй, хоть и знал уже правду, снова испытал потрясение.

Ло Минь безучастно скользнул взглядом по строчкам цифр, затем поднялся и направился к выходу.

Четверо у двери преградили ему путь.

Двое братьев из «Жиюз», зная, что проверяемый — брат Ло Миня, в душе сочувствовали ему, но послушаться приказа Ли Юаня не смели. Они заговорили почти умоляюще:

— Брат Минь, не ставь нас в трудное положение, а? Подожди немного, дядя Юань скоро придёт, и тогда иди куда хочешь. Мы тут решать не вправе, прости...

Ло Минь замер на месте, рассеянно склонив голову набок, словно раздумывая, не прорваться ли силой.

Чжоу Юй обнял его, тихо успокаивая:

— А-Минь, потерпи ещё немного, успокойся. Всё позади, всё кончено, всё хорошо.

Ло Минь повернул к нему голову, но взгляд его был пустым, отстранённым, будто он видел перед собой незнакомца.

Сердце Чжоу Юя ёкнуло, он сжал объятия ещё крепче.

Но Ло Минь тихо произнёс:

— Отпусти.

Чжоу Юй вздрогнул и лишь сильнее сжал его.

Вскоре в комнату вошёл Ли Юань, лишь наскоро ополоснувшийся и облачённый в банный халат. На лице его царил полное спокойствие, словно ничего особенного не произошло.

— Ну, как? — бесстрастно спросил он.

Чжоу Юй и Ло Минь молчали.

Чжэн Ситун откашлялся, поднялся и с улыбкой произнёс:

— Вроде бы всё в порядке, вполне надёжен. Только возраст не сходится: в документах значится

двадцать два года, а на деле — и восемнадцати нет.

Выражение лица Ли Юаня мгновенно переменялось. Он взглянул на Ло Миня и уже мягче спросил:

— А-Минь, что это значит?

Горло Ло Миня сжалось, он не мог вымолвить ни слова.

Чжоу Юй, чувствуя, как тот дрожит, поспешил объяснить всё с самого начала.

Ли Юань слегка кивнул, и черты его смягчились:

— Раз так, А-Минь, хорошенько о нём позаботься.

Ло Минь сделал глубокий вдох, кое-как собрался с духом и почтительно, но очень тихо спросил:

— Дядя Юань, можно я заберу А-Яня?

Ли Юань нахмурился, затем обратился к троим предводителям братства «Пять слив»:

— А вы что скажете? Результатами довольны?

— Конечно, конечно, — тут же поднялся с места Цянь Цилун с деланно-почтительной улыбкой.

— Дядя Юань вершил правосудие беспристрастно, ни капли личного, — вот это действительно вызывает уважение.

<http://bllate.org/book/16287/1467729>